

3. Kenen P. B. The 1972 report of the President's Council of economic advisers: international aspects//American economic review. Vol. 62. № 4. (Sep., 1972)//JSTOR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jstor.ru
4. Goodman A. E. South Vietnam: war without end?//Asian survey. Vol. 15. № 5. (Jan., 1975)//JSTOR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jstor.ru
5. Signal from the Senate//Newsweek. 1972. (April 24). P. 10.
6. And the war goes on//Ibid. (May 8). P. 7-11.
7. Now it's a major war in Vietnam//US News and World Report. 1965. № 22 (Nov. 29). P. 37-38.
8. Why Vietnam's Reds scorn peace talks// Ibid. P. 51-55.
9. What U. S. should do about Vietnam?// Ibid.1969. № 10. P. 13-14.
10. Critics in Congress: "The only way is to withdraw"// Ibid. 1971. (Feb. 22). P. 17.
11. The Nixon administration: "It will protect American lives"// Ibid. P. 16.
12. Никсон Р. На арене. М., 1992.
13. Nixon R. No more Vietnams. N. Y., 1986.
14. Макнамара Р. С. Вглядываясь в прошлое. Трагедия и уроки Вьетнама. М., 2004.
15. Пинто Д. Меж двух миров // Сайт библиотеки толерантности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iecietiba.lv
16. Паркс Д. Дневник американского солдата//Военная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.militera.lib.ru

Ksenia O. Sedova

Ksenia O. Sedova, student of Historical Department of the Urals State University (Russia, 620083, Ekaterinburg, Lenin Av., 51).

Телефон/Phone: +7 (343) 350 75 32 . Электронная почта/E-mail: uroroi@gmail.com

VIETNAM WAR 1964–1975 AND U.S. MEDIA: HISTORICAL SOURCES ASPECT

The author comes to the conclusion that, with respect to the study of the history of the Vietnam War, there is a significant source base that is substantially limited due to the presence of a huge reservoir of periodicals and using various techniques of processing of its materials. Through analysis of the press can be done fairly firm conclusions about the nature of American public sentiment and the way in which they were formed.

Keywords: Vietnam War 1964-1975; U.S. media; historical sources.

A.C. Титаренко

Титаренко Анастасия Сергеевна, студент 5-го курса исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail:
kafedravseobshcheyistorii@mail.ru

ДИСКУССИЯ О РАЗВИТИИ КИТАЯ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Во второй половине XIX – начале XX вв. Китай становится объектом активных дискуссий в российской общественной мысли. Автор приходит к выводу, что прогнозы российских исследователей на протяжении всего этого периода в отношении будущего Китая были подвержены заметной корректировке в связи с событиями внутренней жизни Китая, особенностями отношений Китая с европейскими странами и Россией. Китайский прогресс большинством авторов связывался с европеизацией Китая. Во всех публикациях отмечалась необходимость европейского влияния на Китай, своего рода толчка, способного раскачать Китай в его развитии. Особенности китайского развития представители российской общественности также видели в большом влиянии на его внутреннюю жизнь России.

Ключевые слова: Китай во 2-й пол. XIX - начале XX вв.; российская китаистика

Во второй половине XIX – начале XX вв. Китай становится объектом активных дискуссий в российской общественной мысли. Уже в предшествующий период (первая половина XIX в.) одной из главных характеристик Китая стала его неподвижность и застойность. Но в то же время эта характеристика не являлась величиной постоянной. Одной из наиболее интересных проблем для российской общественности в рассматриваемый период была проблема развития Китая: способен ли «неподвижный», «уснувший» азиатский гигант встать на путь прогресса или ему суждено испытать еще больший упадок и сойти с мировой арены?

Сторонником идеи развития Китая по пути прогресса выступил известный российский синолог В.П. Васильев. В 1860-х гг. ученый писал о возможности перерождения Китая, которое возможно, если преобразователями будут только сами же китайцы, а именно китайские мусульмане, т.к. «...магометанство расставило по всем владениям Китая свои передовые посты, из которых оно рано или поздно должно будет охватить весь китайский мир!» (1). Васильев отмечал, что китайские мусульмане (уйгуры и тангуты) являются замечательными по влиянию на умственное образование Востока, соединив в себе образование Китая с идеями Запада и религией Тибета. В 1883 г. в статье «Китайский прогресс» Васильев писал, что, беря во внимание современные особенности

развития Китая. можно говорить о перспективах китайского развития: достижения самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Но не исключал ученый и возможности победы другого рода «прогресса»: прогресса опиокурения (2).

В 1880-е гг. существовали и другие мнения по поводу перспективы китайского развития. Естествоиспытатель и разведчик Н.М. Пржевальский видел прогресс Китая в заимствовании европейского опыта, чему Китайская империя, по его мнению, всячески будет сопротивляться, т.к. нововведения могут привести Китай к всеобщей ломке. В случае подобного развития ситуации в Китае неизбежна революция, которая может привести к миграциям, что очень страшно для других народов, т.к. китайцы не способны ассимилироваться с туземцами «и где бы не поселились, непременно заводят новый Китай» (3). Китай, по мнению путешественника, еще долго будет существовать самобытно, а в будущем породит для Европы нового «большого человека».

Для А.М. Позднеева, профессора и директора Восточного университета во Владивостоке (1899-1903), перерождение Китая также являлось возможным под влиянием европеизации, но только в материальной сфере. «Раз познакомившись с Европой и восприняв от нее военное устройство, Китай очевидно не остановится на этом... Так число машин будет возрастать незаметно для самого Китая и мало по малу он усвоит себе все новейшие усовершенствования и открытия в области физики, химии, механики, технологии и т.д.» (4). Автор отмечал при этом, что с перерожденным Китаем только Россия в будущем может широко развивать отношения, т.к. опиумные войны и пользовательское отношение европейцев к Китаю навсегда вычеркнули Европу из друзей Срединной империи.

Взгляды, высказанные учеником В.П. Васильева С.М. Георгиевским, можно определить как умеренно западнические. Он верил в европейский прогресс, но считал, что некоторые восточные общества, прежде всего любимый им Китай, способны не только воспринять его, но и использовать в соответствии с собственными традициями и нуждами. Тем самым Китай может превзойти Европу и стать державой западного типа, с более многочисленным и образованным населением, более сильной армией и более эффективным управлением. Но Георгиевский с прищорбием отмечал, что в Китае еще пока не развита универсальная любовь к человечеству, что может негативно сказаться на мировом прогрессе. Вместе с тем синолог призывал к изменению взглядов россиян на население соседнего государства: «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которую в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов». Он предвидел «то время, когда всякие комбинации политиче-

ских владычеств будут обуславливаться в мире соизволением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы» (5).

О влиянии России на Китай писал и князь Э.Э. Ухтомский, оставаясь в своих прогнозах довольно противоречивым. Говоря о состоянии Китая, государственный деятель отмечал, что Китай «покрыт плесенью и тиной», «неуклюж», но при этом никаких признаков упадка, дряхлости в нем не замечается. В 1890-е гг. Ухтомский, в условиях увеличившегося иностранного влияния поставил вопрос «Кто и что спасет Китай?», постарался и сам на него ответить. По его мнению, спасет Китай Россия. «В нас воплощен и босвой и мирный отпор христианским Западом хаотичным азиатским мирам» (6), «творческая сила сибиряка... неразрывными узами скрепит нашу империю с однородною Азией» (7). В начале XX в. взгляды Ухтомского несколько меняются, его беспокоит острый китайский вопрос: «Напуская на нас китайский туман, Провидение, видно решило наказать просвещенные народы за глубоко несправедливое отношение к Азии» (8). Одно, по мнению князя, было несомненно: китайцы как «упорнейшая на свете раса», безусловно, «испортит еще много крови белому человеку».

С 1898 г. в российских произведениях идея китайского прогресса прежде всего связывается с реформами Кан Ювэя. Синолог П. Попов регулярно публикует свои статьи в «Вестнике Европы» о содержании и ходе китайских реформ. «В то время, как Китай, подобно огромному, одряхлевшему от тяжести веков, дереву, по-видимому, готов склониться под ударами неумолимой судьбы, созданной его многовековой высокомерной отчужденностью и узким самодовольством, – его молодые побегги, под влиянием охватившего их чувства жалости к дорогому старику и естественного чувства боязни и за свое собственное существование, начинают, мало по малу, приходить к сознанию необходимости объединения своих сил для защиты его, а, следовательно, и своей жизни», – так виделось исследователю появление патриотических сил в Китае (9).

В период китайских реформ вновь становится преобладающим тезис о необходимости европеизации Китая. Летом и осенью 1898 г. Н.Е. Гарин-Михайловский (Михайловский) совершил кругосветное путешествие по Сибири на Дальний Восток, затем через Тихий океан в США и через Атлантический океан обратно в Европу. В Китае он остановился на неделю в Чифу и Шанхае. В своих путевых заметках Михайловский отмечает, что китайские преобразования показывают реализацию известного латинского изречения «Lux ex orient» (Свет с Востока): «Когда в нации возродится атрофированная теперь способность к мышлению, а с ней и творчество, китайцы обещают, при их любви к труду и энергии, очень много. И только тогда, во всеоружии европейского прогресса

(только европейских, конечно), в лице их может подняться грозный вопрос их мирового владычества» (10).

Российские авторы часто обращались к вопросам о степени и особенностях европеизации Китая. «Первенствующую роль во всей новейшей истории Китая играет вопрос о взаимоотношении двух культур, европейской и китайской, западной и восточной». – говорил синолог Д.М. Позднеев на вступительной лекции в 1896 г., ставя, таким образом, вопрос о «борьбе за преобладание» двух цивилизаций в рамках Китайского государства (11). Дмитрий Матвеевич отмечал, что европейские идеи получили свое распространение в духовной жизни Китая: христианство способствовало ознакомлению Китая с Западом, а китайские мусульмане «являются проводниками вглубь Китая европейской культуры», так как поддерживают связи со своими единоверцами в Индии, Западной Азии и Азиатской России (12). В данном случае очевидно, что автор разделял теорию В.П. Васильева. Отмечает Позднеев и распространение западного влияния в области административных и правительственных учреждений. Но европейскому торжеству, по мнению ученого, в Китае имеется противостояние: «во-первых, прочность и устойчивость начал, созданных китайской культурой в каждом отдельном китайце, во-вторых, необычайная величина как китайского государственного организма, так и сфер китайской жизни» (13). Поэтому европейское влияние лишь *теперь* в Китайском государстве. «Сношения с европейцами, по мнению всякого истинного китайца, – неизбежное зло, которому нельзя не подчиняться, когда это оказывается необходимым, но избавление от которого, при малейшей возможности, даст истинное наслаждение. Легко видеть силу нации, горящей подобными чувствами» (14). Давая в своих работах характеристику отношений Европы и Китая, Позднеев отводил России особое место. «Ощущался бы большой недостаток в характеристике жизни Дальнего Востока, если бы игнорировать еще один исторический фактор, влияние которого в Азии чувствуется в последние десятилетия все сильнее и сильнее, а в недалеком будущем обещает стать одним из важнейших. Я говорю о влиянии России...» (15). Таким образом, в свете улучшения русско-китайских отношений в 1895-1896 гг. Д.М. Позднеев повторил мнение своего брата, высказанное еще в 1887 г.

Проблемы развития Китая, широко обсуждаемые в рамках российской общественности, получают новую подпитку после восстания ихэтуаней (1898-1900). Боксерское восстание, по мнению большинства российских авторов начала XX в., положило конец китайской косности и застойности, дало начало изменению Китая («Боксерский 1900-й год несомненно заставил окончательно проснуться Китай: этот год встряхнул сильно и китайское правительство, и китайское общество» (16);

«Боксерское восстание – последний вздох старого Китая» (17): «Боксерское движение похоронило старый, невежественный, чиновничий Китай» (18)). Среди итогов этого восстания российские писатели называли также усиление влияния европейцев на Китай: «Последнее столкновение... усилило зависимость Китая от Европы и расширило влияние высшей европейской культуры на низшую, одностороннюю. Хотя в некоторых отношениях очень прочную и здоровую, культуру китайского народа... Китай все больше и больше ассимилируется с цивилизованным миром» (19).

Авторами отмечалось также и рост влияния России на Китай. В свете усиления присутствия России в Маньчжурии исследователь Китая А. Рудаков писал: «Свежие и бодрящие струи русской жизни и цивилизации уже готовы обновить подгнившие устои древней китайской культуры, и влить новое плодотворное содержание в окаменевшие с течением веков формы восточной мысли и науки, направив то и другое на путь прогресса» (20). России, по мнению ученого, воздействовать на Китай легче в силу отсутствия китайского сопротивления, т.к. нет темных сторон в истории взаимоотношений, как у европейцев. В.В. Корсаков, описывая современное ему состояние Китая (в канун русско-японской войны), писал, что это время было тяжелым для Китая, но переходным; боксерское движение уже сдвинуло Китай с мертвой точки. «Настанет время, когда поднявшиеся воды Востока хлынут с величественною силою на Запад, и тогда откроется истинное назначение этого миролюбивого, трудолюбивого, из века веков живого народа, тогда отверзнутся молчащие пока еще уста этого желтолицего сфинкса»(21).

Не все российские авторы однозначно описывали прогрессивное воздействие России на Китай, многие говорили, наоборот, о китайском воздействии на Россию, причем, крайне неблагоприятном и даже губительном. Как правило, такие размышления велись в рамках дискуссии о «желтой опасности». Автором выражения «желтая опасность» был французский публицист Поль Леруа Болье. Так он выразил свои опасения в конце XIX в. по поводу «пробуждения Востока»: усиления Китая и Японии. Впоследствии это выражение часто повторял германский император Вильгельм II, благодаря которому оно и вошло в общественно-политическую лексику европейских стран (22).

Идею «желтой опасности» в России активно развивал В.С. Соловьев, живший в конце 1890-х гг. предчувствием мировой катастрофы, в которой решающую роль призваны сыграть азиатские народы, и в первую очередь китайцы. «Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими куль-

турными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии»(23). По мнению Соловьева, Россия предстояло в грядущей битве двух мировых полксов стать форпостом Запада в деле борьбы с «желтой опасностью». Произведения конца 1890-х гг. Соловьева проникнуты идеей готовившийся битвы двух миров. причину которой он видел в том, что «центр тяжести всемирной истории переносится на Дальний Восток». Он считал, что «христианской России и христианской Европе как кара за грехи, за измену Христу и христианскому откровению о человеке грозит панмонголизм». Панмонголизм по Соловьеву – это собрание воедино всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против европейцев.

Исследователь В.В. Сербиненко отмечал, что в начале века апокалипсические настроения были реальным компонентом духовной жизни определенной части русской интеллигенции (и как действительная духовная потребность, и как интеллектуальная мода), и многие воспринимали «Три разговора» Соловьева как пророчество (24). Представления Соловьева о китайской культуре, о влиянии китайского вопроса на судьбу России и мира послужили основой для развития этой теории в России.

Были и противники версии Соловьева о «желтой опасности». Например, философ Н.Ф. Федоров писал по поводу размышлений Соловьева: «Нужна изумительная наивность или же напускная слепота для того, чтобы проповедовать всемирный поход против целой расы, раздробление огромного государства, беспощадное истребление многолюднейшего народа христианским мечом, ради того, чтобы мягкосердные европайцы не заразились жестокосердием китайцев!» (25).

Термин «желтая опасность» был широко представлен в российской публицистике, существовала и его различная трактовка. Ф. Духовецкий, журналист, публицист начала XX в., затрагивал поднятый Соловьевым вопрос о «желтой опасности»: «... в будущем, – говорит Духовецкий, – европейским державам придется считаться не только с желтым вопросом, но и с желтым террором» (26). Автор отмечал, что Россия совершенно искренне желает Китаю стабильности, т.к. от этого зависит состояние русской границы, но в то же время замечал, что для России опасно мирное завоевание Китая, которое провоцирует быстрый рост желтой иммиграции на дальневосточных окраинах России. По мнению Духовецкого, в этом мирном завоевании и заключается «желтая опасность». «Желтые несут и насаждают здесь свою собственную культуру, или вернее отсутствие ее: свой примитивный быт, полунищенскую, неприхотливую жизнь и восточную антисанитарную, заражающую и отравляющую русские города и деревни края» (27). Он предлагает кардинальное решение «желтой проблемы»: «С русской точки зрения

единым исходом, устраняющим для России опасность желтого террора и разрешение желтого вопроса, является поглощение Китая Россией» (28).

Гарин-Михайловский видел проблему «желтой опасности» для России, как и Духовецкий, в постепенном переселении китайцев на русские территории: «Мы вот гордимся нашей бескровной победой – взятием Порт-Артура, а не пройдет и полувек, как с такой же бескровной победой поздравит китаец всю Сибирь и дальше...» (29). Некто В. Саонов в 1911 г. писал о современном ему положении Китая: «Китайцы долго спали, доверчиво приоткрыли нас у себя на груди. Но дракон начинает понемногу просыпаться. И надо быть осторожнес. Времени у нас впереди еще много. Но хочется кое-кому напомнить завет адмирала Макарова: "Помните войну!"» (30). Тема «желтой опасности» просматривается и в строках В.И. Нсмировича-Данченко: «Передо мною подымался страшный мираж народ, который, – проснись он, – мог бы уничтожить и поглотить добрую половину человечества... Спит народ-философ... Да полно, спит ли!» (31).

В.Н. Рудокопов, взявший в 1906 г. в аренду у Китайской Восточной железной дороги угольные копи близ разъезда Удзимихэ, написал статью в «Историческом вестнике» о хунхузах. По его мнению, хунхузы – это проявление всех нравственных качеств китайцев, таких как жестокость, полное равнодушие к чужим страданиям, бесчестность и шовинизм. Именно хунхузы (безусловно, мешавшие делам автора), считает Рудокопов, наглядно иллюстрирует ту «желтую опасность», которая зародилась, прогрессивно крепнет и усиливается на Дальнем Востоке. Опасность для русских территорий исходит от китайцев, т.к. они поражают свою способностью и умением вести торговлю, поражают своей промышленной изобретательностью, отличаются всеядностью, способностью к ремеслам. Китайцы – это «гигантский дракон», а Восток – это «огромное накопление энергии, которая, перейдя в состояние явное, может обрушиться гигантской волной на Запад и захлестнуть и потопить в себе все, что будет встречаться на ее пути», – пишет Рудокопов (32).

Автор ряда статей «Вестника Европы» В.И. Дальченко ставил перед читателями журнала вопрос: существует ли «желтая опасность»? Чем может грозить Европе Китай? По мнению автора, дать ответы на эти вопросы очень сложно: «О китайском народе в настоящее время можно сказать только одно: он проснулся и может проявить себя столь же неожиданно, как и жестоко. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, неподготовленными дать ответ на предъявленные требования народов Дальнего Востока, необходимо быть всегда настороже, быть всегда наблюдателями и изучающими жизнь этих народов во всех ее проявлениях» (33). Подготовку Дальченко, как и многие российские авторы, видел в пристальном наблюдении за состоянием китайских вооруженных сил.

Л.Н. Толстой в вопросе о «желтой опасности» выступил как гуманист, предлагая любить ближнего своего независимо от цвета его кожи: «Любить врагов, японцев, китайцев, тех желтых людей, к которым заблудшие люди теперь стараются возбудить в нас ненависть, любить их – значит не убивать их для того, чтобы иметь право отравлять их опиумом, как делали это англичане, не убивать их для того, чтобы отнимать у них земли, как делали это французы, русские, немцы, не закапывать их живыми в землю в наказание за повреждение дороги, не связывать косами и не топить в Амуре, как делали это русские...» (34) (Толстой здесь указал на события 1900 г.).

Таким образом, теория «желтой опасности», возникшая в Западной Европе и развитая в России В.С. Соловьевым, постепенно в российском сознании облеклась в проблему эмиграции масс китайского населения на российские территории. Такой поворот в теории объясняется российской действительностью: на восточных границах государства становилось все больше представителей китайской нации.

Пристальное внимание российской общественности привлекли начавшиеся в 1900 г. в Китае реформы, воспринимавшиеся как движение Среднего государства по пути «европеизации». Большое количество статей в журналах «Вестник Европы» и «Русский вестник» в начале XX в. было посвящено преобразованию Китая (особенно в сфере образования), его европеизации. Исследовательница Китая А. Столповская отмечала позитивное влияние европейцев на Китай: «Европейцы волею-неволею внесли оживляющую струю в застой высшей идеальной сферы жизни китайского народа и усилили прогресс промышленной и торговой деятельности его, – словом, китайцы многое переняли у европейцев и многому научились от них; но прежде всего европейцы выучили китайцев защищаться от своих вооруженных нападений через усовершенствование военного дела в Китае» (35).

А. Ивашкевич в 1897 г. прибыл в Маньчжурию на постройку дороги и провел здесь с семьей почти пять лет, пережив боксерское восстание. В 1902 г. он вернулся в Россию. Во второй раз Ивашкевич попал в Китай только в 1907 г. При этом он отметил поразительные перемены, произошедшие с китайцами, их образом жизни: «Так оевропеиться могли только лица, близко стоящие к управлению дороги, даже служащие в нем», – писал автор, но такие же перемены он увидел и в городах, в народе, его властях (36). Китайские преобразования – это «шаги, делаемые гигантом Азии по пути к современным формам европейской цивилизации», – писал в 1910 г. будущий профессор В. Алексеев (37). В целом, Алексеев констатировал факт постепенного перехода от Старого Китая к Новому, развивающемуся под большим влиянием европейцев, среди которых заметную роль играет и Россия.

Обратился к теме Китая и великой русский ученый Д.И. Менделеев. Он указывал на необходимость в условиях все возрастающего влияния азиатов на мировую историю заключить союз между Китаем и Россией. «Когда сибирские пустыни и Киргизские степи окажутся населенными русскими, и просвещение России довольно поработает для слияния Дальнего Востока, включая в него Китай и Японию, с Западной Европой, тогда настанет действительная новейшая история, а с ней забудут отличие Европы от Азии». – писал ученый в 1907 г. (38).

События Синьхайской революции были расценены большинством российских авторов как откат от реформ, а будущее Китая – как более чем туманное. В связи с событиями 1911 г. С.Ю. Витте писал: «Несомненно, что междоусобица и падение Китайской империи производят такой громадный переворот на Дальнем Востоке, что последствия этого будут ощущаться и нами и Европою еще десятки и десятки лет» (39). В.А. Истомин в своей книге «Китай и китайцы в их прошлом и настоящем» отмечал, что «стремления деятелей переворота 1912 г. утвердить свою власть в Китае может вовлечь его в новые безумные авантюры» (40). После революции идея китайского прогресса (эволюционных преобразований) в трудах представителей российской общественности постепенно сходит на нет.

Итак, мы видим, что прогнозы российских авторов на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в отношении будущего Китая были подвержены заметной корректировке в связи с событиями внутренней жизни Китая, особенностями отношений Китая с европейскими странами и Россией. Китайский прогресс большинством авторов связывался с европеизацией Китая. И российские ученые-востоковеды, и люди далекие от науки отмечали необходимость европейского влияния на Китай, своего рода толчка, способного раскатать Китай в его развитии. Особенности китайского развития представители российской общественности также видели в большом влиянии на его внутреннюю жизнь России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильев В.П. Магомеданство в Китае // Васильев В.П. Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева. СПб., 1900. С. 114.
2. См.: Васильев В.П. Китайский прогресс // Там же. С. 162.
3. Пржевальский П.М. Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12. С. 483.
4. Позднеев А.М. Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, прочитанная на акте Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1887. СПб., 1887. С. 30-31.
5. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 270-271.
6. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. В 4-х т. СПб., 1895. Т. 2. Ч. 4. С. 132.
7. Там же. С. 242.

8. Ухтомский Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 12.
9. Попов П. Патриотическое движение в Китае// Вестник Европы. 1898. № 10. С. 496.
10. Гарин-Михайловский П. Из книги «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» // Романенко А.Д. Китай у русских писателей/ Сост. А.Д. Романенко. М., 2008. С. 190.
11. Позднеев Д.М. Основные течения государственной жизни Китая в XIX веке. СПб., 1897. С. 3.
12. Там же. С. 10.
13. Позднеев Д.М. Указ. соч. С. 16.
14. Там же. С. 17.
15. Там же. С. 22.
16. Корсаков В.В. На Дальнем Востоке. Письмо из Пекина// Вестник Европы. 1903. № 5. С. 354.
17. Т. Повое образовашие в Китае// Вестник Европы. 1910. № 4. С. 315.
18. Корсаков В. Китайская императрица Цзи-Си// Вестник Европы. 1909. № 1. С. 407.
19. Столшовская А. Сношения китайцев с иностранцами и их последствия в Китае. С приложением статьи: Восстание боксеров. М., 1903. С. 52.
20. Рудаков А. Общество И-хэ-гуань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке по официальным китайским данным. Владивосток. 1901. С. 77.
21. Корсаков В.В. В проснувшемся Китае. Дневник хроника русской жизни перед русско-японской войной. М., 1911. С. 200.
22. См.: Сыромятников О. Желтая опасность// Сайт «Петербургский коллекционер» [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 1999-2009. – Режим доступа: <http://pk.awards-su.com/2008/jo/jo.htm> (2007); Марлен Ларюэль. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века. Русско-японская война. Взгляд через столетие// Сайт «Полит.ру» [Электронный ресурс]. Москва, 1999-2009. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2004/10/11/laruelle.html> (2007).
23. Соловьев В.С. Враг с Востока // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 408.
24. Сербиненко В.В. В.С. Соловьев о Китае // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1982. Т. 1. С. 228.
25. Федоров П.Ф., Кожевников В.А. Кончилась ли всемирная история?// Федоров П.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. М., 1999. Т. 4. С. 75.
26. Духовещкий Ф. Желтый вопрос // Русский вестник. 1900, № 12. С. 742.
27. Там же. № 11. С. 164.
28. Духовещкий Ф. Указ. соч. № 12. С. 742.
29. Гарин-Михайловский Н. Указ соч. С. 177.
30. Сазонов В. По китайской границе (Из путевых заметок)// Исторический вестник. 1911. № 3. С. 1004.
31. Пемирович-Данченко В.И. Из книги «В Манчжурии» // Романенко А.Д. Китай у русских писателей/ Сост. А.Д. Романенко. М., 2008. С. 205.
32. Рудокопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. № 6. С. 925.
33. Дальченко В.И. Китай и его вооруженные силы// Вестник Европы. 1906. № 2. С. 499.
34. Толстой Л.П. Одумайтесь// В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. М., 1997. С. 399.
35. Столшовская А. Указ. соч. С. 31.
36. См.: Ивашкевич А. У недавних победителей (Риоюн (Порг-Артур), Лайрен (Дальний) // Исторический вестник. 1912. № 3. С. 994.
37. Алексеев В. Современная реформа китайского образования// Вестник Европы. 1910. № 5. С. 310.
38. Менделеев Д. И. Дополнения к познанию России// В поисках своего пути.... С. 421.
39. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Л., 1924. Т.1. С. 116.
40. Истомин В.А. Китай и китайцы в их прошлом и настоящем. М., 1913. С. 47.

Anastasia S. Titarenko

Anastasia S. Titarenko, student of the Historical Department of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail:

kafedravseobshchevistorii@mail.ru

**DISCUSSION ON THE DEVELOPMENT OF CHINA IN
RUSSIAN
SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC LITERATURE
(Second half of XIX - early XX centuries)**

China became the object of intense debate in the Russian social thought in the second half of XIX - early XX centuries. The author concludes that the forecasts of Russian researchers throughout this period in the future of China were subject to appreciable adjustment in connection with the events of the inner life of China, especially in China's relations with the European countries and Russia. Most authors connected Chinese progress with Europeanization of China. In all publications pointed to the need of the European influence on China, a kind of shock that could shake China in its development. Russian public representatives saw a features of Chinese development in a large influence on his inner life of Russia.

Keywords: China in the 2nd floor. XIX - early XX centuries; Russian sinology.